

СМИ в эпоху цифровизации: изменения в механизмах воздействия на общество в условиях перехода к онлайн-форматам

К. И. Налетов

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова;
старший научный сотрудник Центра международного права
и сравнительно-правовых исследований
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации».
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: Naletov.KI@rea.ru

ШАО КУЙЦУН

магистрант факультета журналистики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
125009, Москва, Моховая ул. д. 9 стр. 1
E-mail: shaokuicong@mail.ru

Mass Media in the Context of Digitalization: Changing Mechanisms of Influencing Society in the Conditions of Transfer to Online Formats

K. I. Naletov

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE;
Senior Researcher of the Department of Comparative Legal Studies,
Senior Lecturer of the Department of State Studies,
General Legal and Socio-Humanitarian Disciplines
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation;
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
44 B.Cheremushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: Naletov.KI@rea.ru

Shao Kuicong

Undergraduate Student of the Department of Journalism
of Moscow State University after M. V. Lomonosov.
Address: Moscow State University after M. V. Lomonosov,
9 bld. 1 Mokhovaya Street, Moscow, 125009, Russian Federation.
E-mail: shaokuicong@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу изменений положения электронных СМИ в условиях цифровизации, особенно в свете перехода к онлайн-форматам и диджитализации. Анализируются ключевые изменения в механизмах воздействия СМИ на общество в новых цифровых реалиях. Влияние СМИ на общество на современном этапе усилилось не только в количественном смысле – за счет получения возможности бесконечного тиражирования новостей, которое позволяет охватить в короткий срок максимально широкую аудиторию, но и за счет анонимности авторов текстов фейковых новостей или новостей, содержащих тенденциозную подборку фактов, а также за счет получения ими хотя и не государственной власти, но власти частноправовой природы, обеспеченной принципами гражданского законодательства, его бланкетными нормами и пробелами.

Ключевые слова: медиа, технологии, властные полномочия, частное право, социальные сети.

Abstract

This article is dedicated to the analysis of changes in the position of electronic media in the context of digitalization, especially in the light of the transition to online formats and digitalization. The key changes in the mechanisms of media influence on society in the new digital realities are analyzed. The influence of the media on society at the present stage has increased not only in a quantitative sense – by obtaining the possibility of endless replication of news, which allows reaching the widest possible audience in a short time, but also due to the anonymity of the authors of fake news texts or news containing a tendentious selection of facts, as well as by obtaining them, although not state power but the power of a private legal nature, provided by the principles of civil law, its blank norms and gaps.

Keywords: media, technologies, authorities, private law, social networks.

На современном этапе два принципиально разных типа информации – текст публикаций в средствах массовой информации и текст нормативных правовых актов, активно противопоставляемые друг другу¹, – обрели общую проблему: проблему толкования. Еще Ролан Барт предсказывал снижение роли автора текста, который утрачивает контроль за его содержанием сразу после его написания, рассматривая это как позитивный момент². Практическая роль текста нормативного акта без возможности его толкования также снижается с течением времени.

Не последнюю роль в распространении фейковых новостей или тенденциозных подборок фактов играет диджитализация – «автором» новости или статьи часто становится искусственный интеллект (например, Chat GPT) или анонимный пользователь социальной сети, истинную личность которого установить крайне затруднительно.

К сожалению, утрата роли автора и в текстах новостей, и в нормативных актах сыграла в журналистике негативную роль.

Сегодня многим очевидно, что именно интерпретация той или иной информации играет ключевую роль в последствиях ее опубликования. Ведь, как отмечал Д. А. Керимов, «информация есть не более чем представление о знании» [3. – С. 37], то есть вторична ему. Если истинное знание толковать невозможно, то информация может быть подана под разным углом как в известной басне о слепых и слоне. Цифровизация средств массовой информации позволяет формировать информацию без учета ее достоверности и проверки ее источника. Легче всего это сделать путем толкования заранее подобранных фактов. Известная формула В. И. Ленина о разграничении фактов и «фактиков»³ в данном случае преодолевается подбором с помощью алгоритмов такого количества «фактиков», что диа-

¹ Например, В. Ф. Яковлев, критически оценивая законодательство периода начала 90-х гг., писал, что «текст законов больше напоминал передовицы газет». См.: Яковлев В. Ф. Чтобы достичь результата, важно уметь идти на компромисс. Интервью интернет-изданию Закон.ру. – URL: <http://zakon.ru/Discussions/OneDiscussion/1763>

² Так, он писал, что «присвоить тексту Автора — это значит... застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо» [1. – С. 384–391].

³ Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже. Источник: <https://leninism.su/works/69-tom-30/2013-statistika-i-socziologiya.html>

лектическая связь между ними (хотя и сугубо иллюзорная) прослеживается не утрачивающими себя анализом исторической обстановки потребителями информационного контента.

Формальное отсутствие автора текста делает невозможным ответственность конкретного лица за распространение фейковых новостей. Здесь проявляется указание Франца Кафки на анонимность подлинной власти. Отличительной особенностью социальных сетей является публикационная активность огромного количества авторов, непрофессиональных журналистов [5], которые, даже скрывая свои персональные данные, часто становятся лидерами мнений – инфлюенсерами. Даже опровергнутая информация зачастую становится поводом для действий¹, потому что «смерть автора» – приравнивание обывателем информации, исходящей от маргинального автора, к информации, исходящей от авторитетного источника, – по сути, приравнивает ложь к правде.

Средства массовой информации переросли роль простых информаторов общества о тех или иных событиях. Цифровизация ускоряет процессы формирования ими общественного мнения и ориентирует общество на определенное мышление. Электронные СМИ, обладая правами администраторов социальных сетей, получили возможность манипулировать общественным мнением путем контроля за высказываниями или путем маргинализации точки зрения, отличающейся от необходимой политическому мейнстриму. Манипулирование общественным мнением осуществляется и в отношении производителей товаров и услуг. Поисковая система может убрать информацию о компании-производителе из поиска, платформа – заблокировать установку приложений (их обновлений) или отправить рекламу и информацию о компании в блокировку под надуманным предлогом. Поэтому следует согласиться с М. Г. Мехтиевым в том, что цифровизация изменяет регулирование так, что это уже подразумевает переход к иной модели мировой экономики, принципиально отличающейся от рыночной [4. – С. 31–42].

Аналогичные процессы переживает и правовое регулирование. Как отмечают Л. А. Берг и

И. А. Шулятьев, «Крайности между полным глобализмом и тотальным изоляционизмом не являются ответом, а международные институты не могут выровнять сложившуюся ситуацию, для этого у них элементарно нет достаточных полномочий» [2].

Мишель Фуко указывал на такое важное отличие тоталитарной власти от авторитарной, как множественность носителей власти тоталитарного характера [7. – С. 193]. Членом-корреспондентом РАН Т. Я. Хабриевой в одном из ее выступлений отмечалось такое негативное явление в современном правотворчестве, как «многоэтажность внесения» поправок в действующие федеральные законы [6. – С. 158]. Естественно, что конечный «продукт» будет очень серьезно отличаться от «авторского», исказит его волю. Однако в случае с электронными СМИ «множественность» обеспечена не «многоэтажностью», характерной для государственного аппарата, но количеством «авторов», публикующих (распространяющих) фейковые новости, а также тем, что диджитализация существенно сократила путь от «автора» к читателю. В данном случае работает закон гегелевской диалектики о переходе количественных изменений (количество публикаций информации) в качественные – необходимый инфлюенсерам результат в виде приобретения ими власти, имеющей тоталитарный характер.

Не обошла юриспруденцию и множественность «авторов», что в правовом смысле этого слова означает «субъекты властных полномочий». Если ранее соотношение юридической науки и законодательства иллюстрировалось крылатой фразой немецкого юриста Карла Магнуса Бергбома («Три слова законодателя обращают целые библиотеки в гору макулатуры»), то сегодня судебная практика, автономное развитие отраслей российского законодательства, ведомственное правотворчество «обращают в макулатуру» уже сам закон путем формирования множества исключений из установленной им нормы. Если в математике деление единицы никогда не приведет к превращению ее в ноль, то в юриспруденции, хотя бы в силу принципа приоритета специальной нормы над общей, формирование исключений может нивелировать и само правило. Более того, гражданское право, основанное на принципах равенства субъектов (в том числе и государства), свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и необходимости беспрепятственного

¹ Так, несмотря на отрицательный результат расследования специального прокурора о вмешательстве России в выборы президента США, в феврале 2020 г. 72% американцев полагали такое влияние вероятным.

осуществления гражданских прав, согласно части 1 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), предоставляет частным лицам и их сообществам (которые далеко не всегда представляют собой государство) возможности, реализация которых позволяет формировать самостоятельно свой собственный правовой порядок, границами которого будет только позитивное право (т. е. федеральные законы и подзаконные акты). В данном случае речь не идет об уставе юридического лица – сфера его действия достаточно узка и ограничивается отношениями между органами соответствующего юридического лица. Большой интерес представляет корпоративный договор, обязывающий его участников – акционеров АО или ООО – осуществлять свои права определенным образом или вообще воздерживаться (отказаться) от их осуществления¹.

Внимания заслуживают три аспекта данной нормы. Во-первых, участниками корпоративного договора совершенно необязательно являются все участники корпорации (участники ООО или акционеры). Во-вторых, содержание корпоративного договора конфиденциально по общему правилу даже для самого общества, т. е. в любой корпорации может существовать группа лиц, обязанная голосовать определенным образом на общем собрании участников (акционеров), при этом о данном обязательстве группы участников общество (не говоря уже об остальных его участниках) может и не знать. В-третьих, участники (акционеры) общества могут заключать аналогичный корпоративному договор с третьими лицами (т. е. с **любыми** лицами, не являющимися его участниками), согласно которому участники (акционеры) общества обязаны действовать в интересах третьих лиц (п. 9 ст. 67.3 ГК РФ). При этом содержание такого договора юридически идентично содержанию корпоративного, в том числе и общее правило о его конфиденциальности. Таким образом, группа участников с неизвестными правомочиями в отношении формирования воли участников (акционеров) общества расширяется до бесконечности.

То же самое можно сказать и в отношении сторон соглашения об управлении хозяйственным партнерством: помимо собственно участни-

ков партнерства его сторонами могут быть и другие лица. И так же, как и в случае с соглашениями об управлении хозяйственными партнерствами, в действующем законодательстве не определено положение сторон соглашения об управлении хозяйственным партнерством, которые не являются участниками этого хозяйственного партнерства. Гражданское законодательство легализовало существование квазисубъектов частного права под термином «гражданско-правовые сообщества» (ч. 2 ст. 181.1 ГК РФ).

Локальными нормативными актами профессиональных сообществ предусмотрена ответственность за невыполнение требований, установленных этими актами в отношении лиц, которые связаны ими. Составы этих правонарушений явно выходят за рамки уголовной, административной и дисциплинарной ответственности [8].

Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» предусмотрены «меры дисциплинарного воздействия» в отношении их членов, которые, по сути, определяются по усмотрению самих этих организаций, поскольку предусматриваются их внутренними документами (ч. 4 ст. 3, ч. 5 ст. 4 данного Федерального закона), а часть 4 статьи 10 данного закона устанавливает их открытый перечень. Излишне напоминать, что в ряде случаев членство в саморегулируемой организации обязательно².

Получается, что принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*³ обесценивается за счет открытого в силу принципа свободы договора и невмешательства государства в частные дела.

Вышеприведенные положения российского гражданского законодательства служат иллюстрацией того, как легко в современном праве образуются новые квазисубъекты, которые к тому же приобретают роль регуляторов.

Интерпретация информации может иметь юридические последствия. Сказанное Бенедиктом Спинозой («незнание не является аргументом») относится к объективным фактам – научным знаниям и к знанию о содержании правовых норм. Но неосведомленность лица о других фактах вполне может служить оправданием неправильных действий. Например, подпункт 1 пункта

¹ При том, что по общему правилу отказ от права недействителен (ч. 3 ст. 22 ГК РФ).

² Например, для осуществления оценочной деятельности, деятельности арбитражных управляющих, актуариев, аудиторов, финансовых организаций.

³ Нет преступления и нет наказания без указания на то в законе (лат.).

2 статьи 434.1 ГК РФ определяет как недобросовестное поведение предоставление контрагенту неполной (недостовойной) информации, в частности умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть сообщены контрагенту. Также недобросовестным поведением считается «внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора, если другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать» (подпункт 2 того же пункта). Совершение этого деяния влечет обязанность делинквента возместить понесенные другой стороной расходы, связанные с ведением с делинквентом переговоров о заключении данного договора, и расходы, возникшие как результат утраты возможности заключить договор с третьим лицом.

Практика защиты личности, общества и государства от распространения в сети Интернет информации, не соответствующей действительности, и ее произвольного толкования, а также выборочной, тенденциозной подборки фактов осуществляется в том числе Конституционным судом Российской Федерации. Еще в 2013 г., в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П, сетевые издания были приравнены к обычным СМИ с указанием на нецелесообразность возложения верификации размещаемой на веб-сайте информации на его владельца (как и владельца любого иного электронного СМИ). Владелец веб-сайта ограничен в возможности определять достоверность получаемой им информации. Однако Конституционный суд Российской Федерации признал, что Кон-

ституции Российской Федерации соответствует законно установленная обязанность владельца электронного СМИ удалить (отредактировать) информацию, признанную судом не соответствующей действительности.

Исчезновение фигуры автора новости или тенденциозной подборки информации, содержащейся в ней и в формальном, и в фактическом смысле, влечет за собой отсутствие лица, ответственного за их содержание. Владелец электронного СМИ или социальной сети не может отвечать за действия своих пользователей, даже анонимных или использующих ложные данные.

В фактическом смысле воздействие на современное общество осуществляется путем тиражирования ложной информации или информации, содержащей одностороннюю, тенденциозную подборку фактов (которые, возможно, даже соответствуют действительности), от имени фиктивных пользователей социальными сетями, которые не могут быть привлечены к ответственности. В правовом смысле происходит своего рода дополнение правового пространства за счет локальных внутрикорпоративных норм. Последние приобретают качество нормативности за счет размывания понятия субъекта гражданского права, что фактически позволяет включать в сферу действия локальных норм неопределенный круг лиц. Таким образом, фактические владельцы социальных сетей и других электронных СМИ получают властные полномочия, хотя эти полномочия и имеют негосударственную, сугубо частноправовую природу.

Список литературы

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
2. *Берг Л. А., Шулятьев И. А.* Регионализация международного торгового права // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2023. – № 2. – С. 69–74.
3. *Керимов Д. А.* Избранные произведения : в 3 т. – Том III. – М., 2007.
4. *Мехтиев М. Г.* Природа криптовалют и их правового регулирования: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 31–42.
5. *Панкеев И. А., Тимофеев А. А.* Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики журналистики. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 231–246.
6. *Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: монография* : в 2 т. – Т. 1 / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. – М. : Проспект, 2020.
7. *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М. : Магистериум-Касталь, 1996.
8. *Vasyaev A.* Lawyers Disciplinary, Corporate, and Professional Liability in the EU: Applicability to the Russian Legal System // Public Organization Review. – Vol. 22. – P. 1297–1311 (published November 2021).